

Экспертный треугольник: о возможностях трехстороннего сотрудничества Россия – США – Китай

А.В. Лукин

В Вашингтоне 20–21 сентября с.г. состоялась первая трехсторонняя российско — китайско — американская конференция по международным проблемам. Ее организаторами выступили влиятельный вашингтонский Центр стратегических и международных исследований (CSIS), Академия общественных наук (АОН) КНР и МГИМО (У) МИД России.

Делегацию МГИМО на конференции возглавлял проректор по научной работе А.И. Подберезкин. В ее состав входили: директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС А.В. Лукин; советник ректора и заведующая кафедрой европейской интеграции О.В. Буторина; профессор кафедры востоковедения, заместитель директора Института востоковедения РАН В.Я. Белокреницкий; доцент кафедры мировых политических процессов И.А. Сафранчук; младший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ О.В. Пузанова.

На конференции были обсуждены общее состояние и перспективы отношений между тремя государствами, а также возможности трехстороннего сотрудничества по проблемам Ирана и Афганистана, устранению нетрадиционных угроз безопасности в Центральной Азии, поддержанию стабильности международной финансовой системы и региональных политических систем. Перед участниками выступили специальные гости конференции: заместитель министра обороны, бывший Посол США в России Александр Вершбоу; сопредседатель консультативного совета CSIS, известный политолог Збигнев Бжезинский.

Общее состояние и перспективы трехсторонних отношений

Выступления с общими обзорами состояния и перспектив отношений между Россией, Китаем и США выявили различия в подходах к международной ситуации,

целям международного развития и средствам их достижения, но одновременно — и ряд областей для возможного углубления сотрудничества. По мнению руководителя российской и евразийской программы CSIS Эндрю Качинса, ведущиеся сейчас разговоры о том, что современные международные отношения

должны создавать ситуацию «выигрыша обеих сторон», не слишком реалистичны. Согласно Э. Качинсу, основной стратегической целью внешней политики США является создание условий, при которых стало бы невозможным появление конкурента в международной политике, сравнимого с ними по влиянию. Наиболее вероятное место появления такого конкурента — евразийское пространство. Им могли бы стать для США Китай или Индия, а также какое-либо другое крупное государство или союз. При этом сам американский эксперт полагает, что появление конкурирующего государства в обозримой перспективе затруднительно, поскольку неизбежно включатся «механизмы автоматической блокировки»: соперники нового гегемона в самой Евразии будут препятствовать его возвышению. США, в свою очередь, будут играть на этих противоречиях, добиваясь своей стратегической цели.

Э. Качинс полагает, что мнение о снижении в современном мире влияния и мощи США в целом не соответствует действительности. В то же время, на его взгляд, для достижения обозначенной выше стратегической цели США необходимо сотрудничать по многим вопросам с различными государствами Евразии, в том числе с Россией и Китаем. В частности, основой для развития взаимодействия с Россией должен стать коренной интерес Москвы в сотрудничестве с США и с Западом в деле осуществления модернизации. И хотя отношения с Москвой для Вашингтона не являются столь же приоритетными,

---

Александр Владимирович Лукин — доктор исторических наук, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО(У) МИД России

они все же важны, так как взаимодействие с Россией необходимо американцам для решения ряда глобальных и региональных проблем.

Заместитель министра обороны США Александр Вершбоу фактически солидаризировался с мнением Э. Качинса о том, что активизация позиции США в мире должна способствовать развитию их сотрудничества с другими странами. Он подробно остановился на планах реформы НАТО, сформулированных в новой Стратегической концепции организации, которая будет представлена на саммите в Лиссабоне в ноябре 2010 года. Согласно словам заместителя министра, эта программа превратит НАТО из «оборонной организации» в «настоящую организацию безопасности XXI века». По словам А. Вершбоу, НАТО будет заниматься обеспечением безопасности и устранением угроз членам организации не только на их территории, но и за ее пределами. Однако это, утверждал докладчик, будет осуществляться также в интересах других стран и всего мира. В качестве примера он привел нынешнюю борьбу НАТО с международным терроризмом в Афганистане. Интересы других стран, по словам А. Вершбоу, будут обеспечиваться системой партнерских отношений с государствами — не членами, которые будут выстраиваться на основе программ и структур, таких, как программа «Партнерство ради мира», «Совет Россия — НАТО» и т.п. Заместитель министра призвал и Китай к сотрудничеству с НАТО в любой подходящей форме, необязательно по схеме «Партнерство ради мира».

А. Вершбоу выделил несколько сфер, по которым между тремя государствами уже ведется «ограниченное сотрудничество», которое необходимо активизировать:

- во-первых, это совместная борьба с морским пиратством у берегов Африки. Здесь он даже заявил, что лично приветствовал бы создание совместных морских сил с ротацией командующих, хотя «не все наши друзья из ВМФ, возможно, со мной согласятся»;
- во-вторых, это борьба с преступлениями в киберпространстве, обеспечение его неограниченного использования, защита в нем прав интеллектуальной собственности;
- в-третьих, это координация действий в Центральной Азии. Здесь общие интересы состоят в экономическом развитии государств региона, борьбе с экстремизмом и наркоторговлей;
- в-четвертых, это сотрудничество по стабилизации ситуации в Афганистане.

А. Вершбоу отметил, что США ничего не имеют против проведения военных учений России и Китая на двусторонней основе или в рамках ШОС, но США хотели бы направлять на них своих наблюдателей. Он подтвердил, что США готовы к еще более значительным сокращениям наступательных вооружений по сравнению с уровнями нового договора по СНВ. Однако для их осуществления

Вашингтону необходимо сотрудничество как с Россией, так и с Китаем.

Оценивая современную ситуацию, А. Вершбоу обратил внимание на слова Б. Обамы, сказанные во время визита в Прагу в апреле 2009 года о том, что в настоящее время, несмотря на снижение количества ядерных боезарядов, угроза применения ядерного оружия в связи с его распространением даже возросла. В этом плане он подчеркнул необходимость решать ядерные проблемы Ирана и КНДР. Он высоко оценил факт отказа в поставке Ирану российской системы ПВО С-300 и выразил надежду на выработку единой российско — китайско — американской позиции по ядерной проблеме КНДР.

Заместитель директора Института политологии АОН КНР Ян Хайцзяо в своем выступлении противопоставил характер отношений КНР с Россией и США. По его мнению, отношения Пекина с Москвой являются образцовыми в политическом плане. Здесь у двух сторон практически нет серьезных разногласий, создана эффективная структура взаимных консультаций и сотрудничества. Проблемным узлом является недостаточное развитие торгово-экономического сотрудничества, низкий уровень взаимных инвестиций. Для решения этих вопросов оба государства должны прилагать больше усилий.

Что касается отношений Пекина с Вашингтоном, то здесь, по мнению Ян Хайцзяо, напротив, мощное торгово-экономическое сотрудничество сосуществует с наличием ряда проблем политического характера. Общий объем отношений довольно велик, но в политической области США часто проявляют неуважение к китайской позиции по широко известному кругу вопросов (Тайвань, Корея, Тибет, валютный курс и т.д.). Америко-российские отношения, согласно Ян Хайцзяо, находятся в довольно хрупком состоянии, двум государствам не хватает взаимного доверия. Тем не менее, по мнению китайского эксперта, уход от идеологических подходов к внешней политике и переход к обеспечению национальных интересов, осуществленный во всех трех государствах, составляет хорошую основу для развития сотрудничества между ними. Это развитие должно проходить путем решения проблем торгово-экономических отношений с Россией и отхода США от политического давления на Китай.

Афганистан

По вопросу сотрудничества в Афганистане мнения участников разделились. Представители всех сторон согласились с тем, что ситуация в Афганистане представляет серьезную угрозу глобальной и региональной безопасности, и что Россия, Китай и США заинтересованы в стабилизации там политической ситуации, основой которой может быть внутреннее урегулирование и экономическое развитие страны.

Основная мысль выступления сотрудника CSIS Э. Кордесмана сводилась к тому, что до Б. Обамы афганская кампания велась недостаточно эффективно, она

фактически всерьез началась только после увеличения численности американских сил и разработки нового плана, заключающегося в работе с местным населением, отслеживании ситуации в каждой провинции, более тесной координации действий с союзниками. Несколько противоречиво звучала критика Кордесманом союзников за недостаточно активное ведение боевых действий, ослабляемая призывами к большому содействию с их стороны. Аналогичные призывы были обращены также к России и Китаю.

А. Вершбоу также высказал надежду на сотрудничество с Россией и Китаем по Афганистану, особо выделил содействие России:

- в транзите американских военных грузов в эту страну (как он выразился, в создание так называемой Северной распределительной сети);
- в борьбе с наркоторговлей; в подготовке в России афганских кадров, в частности, пилотов;
- в расширение российско-афганского экономического сотрудничества.

Что касается Китая, то, согласно Вершбоу, его вклад до сих пор в основном сводился к содействию в восстановлении транспортной инфраструктуры Афганистана, хотя в экономику страны Китай также «сделал важные инвестиции». Заместитель министра отметил при этом, что никто не ожидает от России и Китая направления в Афганистан вооруженных сил, однако они могли бы взять на себя:

- подготовку кадров для афганской армии и полиции;
- поставлять Афганистану вооружение;
- участвовать в других проектах в военной и военно-технической областях, как это делает, например, Южная Корея, участвующая там в одной из «команд по реконструкции провинции».

На замечание профессора университета Дж. Вашингтона Д. Шамбо о том, что, по его данным, в Китае, в провинции Юньнань, уже развернута небольшая программа по подготовке афганских сил безопасности, А. Вершбоу заметил, что такие программы были бы более эффективны, если бы проводились на территории Афганистана.

А. Вершбоу выразил надежду на приток в Афганистан финансовых средств российских банков, или даже правительства. В то же время он подчеркнул, что за контракты в Афганистане необходимо бороться: российские и китайские компании не должны рассчитывать на то, что им будут предоставлены льготы под политическим давлением, что необходимо предлагать лучшие условия. В качестве примера он привел проект реконструкции туннеля «Саланг».

Представители России и Китая, В.Я. Белокрепницкий и доцент Пекинского университета У. Бинбин, выразили мнение, что афганский конфликт — скорее не политический или идеологический, а этнический. С их точки зрения, поддержка Талибана в Афганистане во многом обусловлена недовольством пуштунского этнического большинства своим местом

в политической системе страны. Оба они в своих выступлениях высказали рекомендацию укрепить позиции пуштунского большинства путем поисков влиятельного и сильного лидера (отличного от слабого и слишком проамериканского Х. Карзая) и создания условий для его прихода к власти.

И российский, и китайский участники подвергли резкой критике США за увеличение производства наркотиков в Афганистане после начала антиталибской операции. Кроме того, У. Бинбин также высказался в том плане, что военное присутствие США в Афганистане можно рассматривать как звено американского стратегического окружения Китая, которое осуществляется через военное присутствие в Южной Корее, Японии, Центральной Азии и активности флота США. Тем не менее, он отметил, что КНР будет оказывать экономическое содействие нынешнему афганскому правительству, направленное на стабилизацию там политической ситуации.

Следует отметить, что китайские представители в целом вяло реагировали на утверждения американских участников о том, что из Афганистана исходит угроза безопасности Китая в виде идеологической подпитки терроризма в Синьцзяне и наркотрафика. Представители Китая обычно оставляли эти замечания без внимания и не стремились активно высказываться в пользу усиления китайского участия в Афганистане.

Российско-американские отношения

На конференции обсуждались состояние и перспективы российско-американских отношений. В своем выступлении А. Вершбоу отметил большую роль нового договора об СНВ и положительно оценил его недавнее одобрение в Комитете по международным делам Сената. Он повторил известные американские положения о том, что новейшие системы ПРО и размещение их элементов в Европе не направлены против России, так как Россия обладает слишком большим количеством баллистических ракет. Согласно А. Вершбоу, эти системы ориентированы против угроз, которые через 10–15 лет могут исходить из стран-изгоев, прежде всего, Ирана. Отметив, что в США понимают озабоченности России, он призвал Москву подключиться к американской программе ПРО, что создаст возможность ее контролировать и понимать, что она реально не направлена против россиян.

Иран

При обсуждении иранского вопроса представитель США Д. Шамбо сконцентрировался на анализе подходов к нему Пекина. Он утверждал, что в Пекине, хотя и не одобрили бы получение Тегераном ядерного оружия, не рассматривают ситуацию как критическую. Это во многом обусловлено экономическими интересами КНР в Иране: товарооборот между двумя странами устойчиво растет, в том числе в критически важной для КНР энергетической сфере, — Иран является третьим по объемам поставщиком нефти

в Китай. Китай также проявляет инвестиционную активность в Иране. Но, кроме этого, Китай видит в Иране важного регионального игрока в политическом и геополитическом плане. На глобальном уровне Пекин рассматривает Иран в качестве одного из противовесов мировому влиянию США, как часть многополярного и плюралистического мира, где нет места глобальной или региональной гегемонии отдельной державы. В то же время Д. Шамбо обозначил китайский интерес в сохранении американо-иранских противоречий, поскольку в таких условиях Китай имеет больше возможностей для развития собственных двусторонних отношений с Тегераном.

Начальник управления научных исследований Дипломатической академии МИД КНР Гао Фэй в своем выступлении подтвердил тезисы своего американского коллеги о важности экономических отношений Китая с Ираном и подход Китая к Ирану как части глобального многополярного мира. В связи с этим были высказаны достаточно критические замечания относительно американских подходов к Ирану. Значительную часть своего выступления Гао Фэй посвятил подробному анализу внутривнутриполитических процессов в Иране. Констатируя, что лагерь реформаторов, который ассоциируется с бывшим президентом М. Хатами, находится в упадке и не может претендовать на власть или существенное влияние в Иране, китайский ученый обратил внимание на развитие консервативных политических сил в Исламской республике.

Это развитие происходит за счет выделения групп внутри консервативного лагеря. Кроме традиционных консерваторов в последнее десятилетие выделилась группа «новых консерваторов», символом и лидером которой можно считать М. Ахмадинежада. Эта группа окрепла в иранской политике и серьезно конкурирует с традиционными консерваторами. Однако с политическими методами этой группы, в том числе в международной области, не согласны многие представители иранской элиты. В результате в последние годы в противовес «новым консерваторам» сформировалась группа «консерваторов-прагматиков», которая ассоциируется с именем А. Лариджани, но к которой также примыкает Х. Рафсанджани. Консерваторы-прагматики укоренены в иранской элите и госаппарате, имеют популярность в обществе и поддержку со стороны части духовенства. Они готовы составить серьезную конкуренцию «новым консерваторам». Именно «консерваторов-прагматиков» Гао Фэй выделял как наиболее перспективную политическую силу внутри Ирана, причем силу конструктивную.

И.А. Сафранчук в своем выступлении отметил, что в самом общем виде российские, китайские и американские подходы к иранской ядерной проблеме совпадают — ни одна из стран не заинтересована в появлении у Ирана ядерного оружия. Но если Россия и Китай имеют близкие взгляды на методы разрешения иранской ядерной проблемы, то между

Россией и США долгое время не было взаимопонимания в оценке конкретных параметров иранской ядерной программы и методов воздействия на Иран для корректировки его деятельности в ядерной области. Однако с администрацией Б. Обамы взгляды были сближены. Это стало возможно тогда, когда американская администрация в достаточной степени артикулировала, что военные методы воздействия на Иран не рассматриваются как реально возможные.

Б. Обама сумел убедить своих партнеров, что в иранском вопросе он делает ставку на дипломатию. Именно на этой базе удалось сбить российские и американские позиции по иранской ядерной проблеме. Однако в случае возникновения сомнений в приверженности Вашингтона исключительно дипломатическим методам российско-американские разногласия могут обостриться. И.А. Сафранчук также подчеркнул, что американцам трудно понять российскую и китайскую позиции, так как у Вашингтона преобладает узкий подход к Ирану: полная сконцентрированность на иранской ядерной программе. Россия же и Китай имеют с Ираном многообразные политические и экономические отношения. При расширении американского взгляда на Иран позиции американской дипломатии могли бы быть скорректированы. Однако Вашингтон избегает диалога с Ираном даже по значимым для себя темам — иракской и афганской. Тот небольшой объем контактов, который по этим вопросам существует, проходит в форме «тайной дипломатии» и не создает позитивной политической динамики, которая могла бы способствовать мирному разрешению иранского ядерного кризиса.

В своем выступлении З. Бжезинский повторил известные тезисы о необходимости укрепления американо-китайского сотрудничества, а также о том, что проблемы России связаны с недостаточным осознанием распада империи и рецидивами имперского сознания.

Судьба доллара как мировой валюты

Участники конференции согласились в том, что хотя роль доллара в международной торговле будет снижаться, однако в обозримой перспективе он будет оставаться ведущей мировой валютой. Согласно мнению О.В. Буториной, в мировой торговле сложилось несколько основных правил фактурирования внешнеторговых контрактов, то есть использования тех или иных валют в качестве валюты цены товара:

- первое правило — контракты между промышленно развитыми странами на поставку готовых изделий, как правило, заключаются в валюте экспортера (что позволяет поставщику избегать валютных рисков);
- второе правило — контракты между промышленно развитыми и развивающимися странами заключаются в валюте развитой страны;
- третье правило — контракты между развивающимися странами — в одной из наиболее значимых

мировых валют (долларах, евро, японских иенах, фунтах стерлингов);

- четвертое правило — контракты на поставку сырьевых товаров заключаются в долларах США. В первую очередь это относится к биржевым товарам, на которые существует мировая цена.

Исходя из этих правил, можно оценить параметры вероятного изменения в ближайшие 20 лет роли доллара в мировой торговле. В этом смысле наибольший интерес представляют следующие процессы:

- рост торговли готовыми изделиями между странами с формирующимися рынками (речь идет, прежде всего, об Азиатско-Тихоокеанском регионе);
- оценка возможной динамики доли сырьевых товаров в мировой торговле;
- оценка потенциального изменения доли развитых стран в мировой торговле.

Как отметила О.В. Буторина, точных данных о валютной структуре мировой торговли не публикует ни одна из международных организаций. Европейский центральный банк регулярно публикует данные об использовании евро во внешней торговле стран ЕС и некоторых их торговых партнеров. Экспертные оценки публикуются довольно редко и, как правило, в научных монографиях. По некоторым данным, в середине 1990-х годов доля доллара составляла 55 — 60%, доля европейских валют — около 25%, остальное приходилось на иену, фунт и прочие валюты. На сегодня этот показатель, полученный расчетным путем, колеблется примерно в тех же пределах.

Если предположить, что в 2030 г. доля доллара в экспорте США снизится с 99 до 95%, в экспорте стран Европы — с 40 до 20%, в экспорте стран СНГ — с 80 до 40%, а азиатских стран — с 70 до 30%, то доля доллара в мировой торговле составит 45%. Иными словами, даже двукратное снижение доли американской валюты в тех сферах, где оно потенциально возможно, не приведет к радикальному сокращению доли американской валюты в глобальной торговле. На практике этот процесс будет весьма длительным и постепенным, поскольку традиции мировой торговли являются крайне устойчивыми.

В заключительной части участники и гости подчеркнули большую важность конференции, впервые собравшую экспертов-международников наиболее влиятельных государств мира — США, России и Китая, — в трехстороннем формате. По всеобщему мнению, новый форум может стать удобным местом для обсуждения возможностей углубления сотрудничества между тремя государствами в решении международных проблем и смягчения существующих разногласий. Все три учреждения-организаторы известны и влиятельны в своих государствах, их предложения и рекомендации, сформулированные по результатам конференции, безусловно, будут обобщены и доведены ими до политического руководства своих стран. Была достигнута договоренность о том, что конференция станет ежегодной, а ее следующее заседание пройдет в 2011 году в КНР.

Выводы

Представляется, что российским, китайским и американским экспертам было бы целесообразно продолжить поиск областей для трехстороннего сотрудничества. На сегодняшний день такое сотрудничество, хотя и в ограниченных масштабах, возможно по ряду направлений: борьба с международным терроризмом; борьба с наркоторговлей; борьба с международным пиратством; стабилизация ситуации в Афганистане; поиск общих подходов к решению иранской ядерной проблемы; поиск общих подходов к решению проблем мировой экономики, устранению последствий мирового финансового кризиса.

Выявление общих позиций между тремя крупнейшими мировыми игроками по конкретным вопросам — процесс длительный и сложный, да и само число таких вопросов пока крайне ограничено. В то же время, успех на этом пути практически гарантирует решение любой острой мировой проблемы, так как на его основе может быть достигнуто единое мнение мирового сообщества, в том числе и в Совете Безопасности ООН, и сформирован дополнительный механизм исполнения его решений.